

[Вышел 19 марта 1925]

[91 (062) (584)]

Journal of the Turkestan Branch of the Russian Geographical Society.
1924. Vol XVII.

XXIV $\frac{31}{12}$

ИЗВЕСТИЯ

ТУРКЕСТАНСКОГО ОТДЕЛА

РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Том XVII.

Под редакцией секретаря Отдела И. А. Райковой.

Ташкент.

1924 г.

Я г н о б ц ы.

Н. Г. Малицкий.

В 1906 году мне удалось совершить две поездки по горной стране, лежащей в верховьях Зарявшана и гиссарских рек и называемой у местных жителей Кухистаном¹⁾. 17-го ноября того же года мною был сделан в общем собрании членов Туркестанского Отдела Русского Географического Общества доклад о быте населения этой горной страны. Личные обстоятельства лишили меня возможности не только подготовить этот доклад для печати, но и своевременно дать извлечение из него для протокола заседания Т. О. Р. Г. О. (отчет, помещенный в т. VII «Известий Т. О. Р. Г. О.» за 1907 год, стр. 182—185, не отличается точностью). Часть собранного материала была, впрочем, напечатана в «Туркестанских Ведомостях» за 1906 год (№ 175) под названием «Машоба», — описание виденной мною в селении Дарх пляски горцев, сопровождаемой пением.

Как известно, горные таджики иногда называются у жителей равнины «гальча». Значение этого слова было забыто, и только сравнительно недавно Томашек выяснил его происхождение от древне-бактрийского слова гар (гора). «Гальча» или «гарча» значит горец, и страна по верховьям Зарявшана еще в XII ст. называлась Гарчиستانом или Гарджиستانом (В. В. Бартольд. «Историко-географический обзор Ирана», 27 и «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», 130). Современное название этой страны, Кухистан, есть персидский перевод древнего названия Гарчиستان (страна горцев), — названия, ставшего непонятным²⁾.

По моим наблюдениям, сами горные таджики зарявшанского Кухистана прилагают название «гальча» к ягнобцам, — тому маленькому народу, который живет по среднему течению реки Ягноба и говорит своим особым языком. На ягнобском языке слово «гар» и доселе значит гора.

Первые обстоятельные сведения об ягнобском языке и народе сообщил капитан Акимбетев («Очерки Когистана» в «Туркестанских Ведомостях» за 1881 год, №№ 2 и 3), которому была выражена в приказе генерал-губернатора К. П. фон-Кауфмана официальная благодарность «за прекрасное и достойное высокой похвалы отношение к делу при изучении и описании помянутой местности» (т. е. Кухистана и в частности Ягноба).

¹⁾ Политическое разделение Кухистана между Россией и Бухарой не нарушает культурно-географического единства страны. В долине Зягди, уже в бухарских пределах, мне говорили, что во всем Кухистане одни и те же обычаи (таамуль).

²⁾ Не является ли странным термин كوهى, употребленный Бабуrom, когда он говорит про население Исфары (сарты и горцы), переводом уже вышедшего или выходящего из употребления слова «гарча»? Верховья р. Исфары прилегают к зарявшанскому Кухистану, и там имеется даже селение Матта. Название «Гарча» между прочим носит одно селение в афганских пределах, в области верховьев р. Мургаба, к юго-востоку от города Маймене, — в той области, которая еще в XI ст. носила название Гарчистана.

«В настоящее время,—пишет Акимбетев,—на неизвестном языке этом объясняются обитатели следующих ягнауских кишлаков: Дикалян 25 дворов, Кирионти 35, Кянси 38, Ди-балайд 12, Гарамайн 18, Сакин 12, Пскон 25, Ккул 30, Птип 20, Тагичинор 10, Каши 7, Пальдараут 10, Чукаг 3, Хсакидарау 12, Думзай 15, Шах-сара 3, Вагинзай 5 и Маргтумайн 4, а всего 284 двора. Считаю по 5 человек на двор¹⁾, получается говорящих на этом языке 1420 человек. Есть и в остальных 8 кишлаках несколько человек, понимающих ягнауский язык, но таких мало».

Менее достоверные данные о численности населения Ягноба (как ягнобцев, так и таджиков) напечатаны в №3 и 4 «Туркестанских Ведомостей» за 1881 год под заглавием «Сведения о ягнаубском народе» за подписью Искандера-тюри (А. Л. Кун). Согласно этим данным, относящимся к 1870 году, общее число дворов в тех селениях, жители которых, по словам Акимбетева, говорили по-ягнобски,—1323, число слишком большое. Возможно, что в материалах Куна, напечатанных через 10 лет после того, как они были собраны, вкралась ошибка: число дворов показано вместо числа душ. Самый список селений у Куна полон, и названия их показаны правильно.

В «Списке населенных мест Самаркандской области по сведениям 1904 и 1905 годов», изданном в 1906 году Самаркандским областным статистическим комитетом, названия ягнобских селений по большей части сильно искажены, что произошло, вероятно, при передаче этих названий русскими буквами, при чем переводчик не мог правильно прочесть бывшего перед ним списка селений, написанного арабским алфавитом. Так, вместо Каше стоит Кши, вместо Ворсаут—Дар-Садур, вместо Шоуэта—Шодина, вместо Наумиткан—Наманган, вместо Вагензои—Рагбан-сай, вместо Кирионте—Кабир-яш, вместо Тагичинор—Як-Мачнар, вместо Пуллараут—Пиля-радур, вместо Витихон—Дасты-хан. Вследствие таких искажений нельзя с достоверностью воспользоваться и цифровыми данными «Списка». Не находя в нем вовсе названий, которые могли быть искажены из Маргтумайн и Гарамайн (Гармен), и полагая, что эти селения причислены к каким-либо соседним, получаем для прочих ягнобских селений, упомянутых у Акимбетева, за исключением Кирионте и Дехикалон, утративших с тех пор ягнобскую речь, и с добавлением Ноумиткана, Шоуэта, Бидиу и Витихона, у Акимбетева не упомянутых, общую цифру 263 двора с населением 1333 человека (767 мужчин и 566 женщин). Но, так как селения Кансе и Витихон издавна населены отчасти таджиками, то по данным «Списка» число ягнобских дворов должно было быть в 1904—5 годах около 243 с населением в 1250 человек (из общего числа дворов ягнобского аксакальства 409 с населением в 2003 человека).

В Материалах первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 года (вып. 7 «Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родных языков», 1905 г. (жителей, говорящих особым ягнобским языком, в Самаркандском уезде совсем не показано; они включены, вероятно, в общую массу таджиков. Результаты произведенного в 1908 году в Искандеровской волости поземельно-податного обследования в моем распоряжении не имеется, но

¹⁾ Среднее количество душ на двор в Искандеровской волости, к которой принадлежит долина Ягноба, по данным В. В. Дылина.—4, 9 («Очерк быта горцев верховьев Зеравшана» в «Известиях Т. О. Р. Г. О.», за 1914 год²⁾); среднее число душ на двор в собственно ягнобском обществе (аксакальстве), по «Списку населенн. мест Самарк. обл.», 4—5; по переписи 1917 года—5, 6.

мною получены в Туркестанском Центральном Статистическом Управлении еще не опубликованные данные последней переписи 1917 года (в 1920 г. вследствие неспокойного состояния страны перепись в Искандеровской волости не производилась).

Сам я во время поездок по Ягнобу не собирал сведений о числе жителей в отдельных ягнобских селениях; мне передавали лишь, что собственно ягнобских дворов в Ягнобском аксакальстве около 200, и столько же таджикских; на самом деле ягнобских дворов должно быть несколько больше, чем таджикских. Мною был составлен, по расспросным сведениям список селений, жители которых говорили по ягнобски; прилагаю также и арабскую транскрипцию названий, согласно ведомости селений Искандеровской волости, полученной мною от местного народного судьи (казия) Муллы Якуба, жившего в селении Токфан.

Название селений (как мне их передавали)	Арабская транскрипция	Ч Дворов	И Мужчин (по данным 1917 года).	С Женщин	Л Всего населен.	О
1) Марахтумайн (Мархтумайн)	مرختمين	44	172	129	301 ¹⁾	
2) Шоуэта	شاوئته		н	е	т	
3) Думзои	دومزای		См. Марахтумайн.			
4) Новимайн	نوامين		н	е	т	
5) Шахсара	شخسره		См. Марахтумайн («Шанжара»).			
6) Хисокидар	حسا کيدرو		н	е	т	
7) Вагензои	н е т		См. Марахтумайн («Вансай»).			
8) Ноумиткан	ناميتكان	11	29	22	51	
9) Ноумиткан-и-боло	ناميتكان بالا		См. Ноумиткан.			
10) Чуккат	چوكت	6	17	20	37	
11) Бидиу	بديو	10	31	27	58	
12) Пуллараут (Пиляраут)	پلهراوت	7	27	18	45	
13) Каше (Кашше)	کشي	4	12	8	20	
14) Тагичанор (Тагичинор)	تياک چنار	10	24	15	39	
15) Питип (Петиб)	پتیب	15	47	29	76	
16) Симич	سمیچ	6	16	10	26	
17) Гармен-и-боло	غرمين	16	48	36	84	
18) Гармен-и-поин			См. № 17.			

¹⁾ В материалах переписи 1917 г. число дворов и жителей по Марахтумайну показано вместе с селениями Шанжара (ошибочно вместо Шахсара), Вансай, Думзай и Порт-хова.

Название селений (как мне их передавали)	Арабская транскрипция	Ч	И	С	Л	О
		Дворов	Мужчин (по данным 1917 года).	Женщин	Всего населен.	
19) Сакен	ساكن	11	33		38	71
20) Куль-и-миона	قول ميانه	20	65		44	109
21) Дахана	دهنه		н е т			
22) Куль-и-боло	قول بالا		См. Куль-и-миона.			
23) Пскон	پسكان	22	75		50	125
24) Дехибаланд	ده بيلند	15	66		45	111
25) Витихон	ويتخان	43	129		114	243
26) Кансе	کنسي		См. Витихон.			

Всего 240 дворов с 1396 жителями (791 мужчин и 605 женщин). Но так как в селениях Витихон и Кансе издавна живут вместе с ягнобцами также и таджики, то число собственно ягнобских дворов в селениях, которые значатся в Материалах переписи 1917 г., должно быть несколько меньше, около 220, а число живущих в этих дворах ягнобцев около 1280. С другой стороны в материалах переписи нет селений Шоузта, Новимайн, Хисокидар и Дахана; вероятно, эти селения причислены по переписи к каким-либо другим, так как ягнобские селения вообще расположены группами, близко одно от другого. Всего в Ягнобском аксакальстве, по данным переписи 1917 года, было 379 дворов с населением в 2179 человек.

На 10-верстной карте издания Турк. военно-топограф. отдела и у В. И. Липского («Горная Бухара», ч. I, Гиссарская экспедиция 1896 г.) вместо Куль пишется Кооль. Я в этом селении не был и местного произношения не слышал; впрочем, и В. И. Липский нашел это селение совершенно пустым, так как жители ушли на летовки. Не был я также в Гармене, который у Акимбетова называется Гарамайн. Селения Портхона, значащегося в Материалах переписи 1917 г., не существует; вероятно, это название помещено по ошибке, вместо Шоузта. О селении Кар-ягды, показанном на 10-верстной карте, я ничего не слышал; не упоминают о нем и другие источники. Селение Вагензои на карте названо Вочензо, у Акимбетова Вагинзай, у Куна Кагинзай, в данных переписи 1917 года Вансай; в ведомости Искандеровского народного судьи такого селения совсем не показано. Ни у Акимбетова, ни на карте, ни в данных переписи 1917 года нет селения Шоузта; у Куна оно упомянуто в форме Шавита. Селение Шахсара в Материалах переписи 1917 г. названо Шанжара; вероятно, это ошибка, заимствованная из «Списка населенных мест Самаркандской области».

Про упоминаемое Куном старинное административное деление всего нынешнего Ягнобского аксакальства на три «садда» (сотни?) я не слышал, но мне передавали о другой группировке собственно ягнобских селений: Дахи-офтобру (селения на солнце, именно: Каше, Пуллараут, Бидиу, Петиб и Тагичанор), Дахи-сойру (селения в тени, именно: Хисокидар, Ноумиткан, Думзои, Шахсара, Шоузта и Марахтумайн) и Дахи-

Куль (селения группы Куль, именно: Симич, Сакен, Гармен, Куль-и-миона, Куль-и-боло, Дахана, Пскон и Дехибалянд). Полутаджикские селения Витихон и Кансе и недавно утратившие ягнобский язык селения Кирионте и Дехикалон не входят в эту группировку, столь характерную для горных стран Средней Азии, где при малой вообще облачности и большой продолжительности солнечного сияния различные в положении местностей относительно солнца создает весьма различные условия существования (это картинно пояснено, например, Дюрандом в его книге «Созидание границы» для Гунзы и Нагара¹⁾).

Всю долину реки Ягноба можно разделить на три части, — верхнюю, среднюю и нижнюю. Верхняя часть, от истоков реки, не имеет постоянного населения и является районом летних пастбищ. Средняя часть долины, от селения Новобад до селения Хшартоб включительно, занята оседлым населением и составляет Ягнобское сельское общество (аксакальство); средняя часть этого общества, вытянутого вдоль по течению реки, населена ягнобцами в собственном смысле этого слова, выше и ниже которых по течению Ягноба, в пределах того же аксакальства, живут таджики. Ниже Хшартоба река Ягноб вступает в грозное ущелье, рассекающее горную цепь, которая соединяет Гиссарский хребет с Матчинским или Заряшанским (по принятой терминологии). По выходе из ущелья река принимает с левой стороны небольшую речку, которая вытекает из горного цирка у подножия великолепной горы Кухи-Пиндар, напоминающей по форме своей Маттергорн. Из этого цирка выползал когда-то значительный ледник, нагромоздивший над самым ложем реки Ягноба высокую морену. Отсюда начинается нижняя часть долины Ягноба, с более мягким климатом, населенная исключительно таджиками.

Природа среднего Ягноба сурова. Расположенные на высоте 8—9 тысяч футов (высота самого верхнего кишлака, Новобад, 9209 футов), ягнобские селения в течение 3—4 зимних месяцев отрезаны от внешнего мира глубокими снегами. В это время по долине бродят голодные волки, которые собираются в стаи, иногда нападают на людей и даже забираются в селения, откуда уносят мелкий скот и собак. Древесной растительности почти нет; плодовых деревьев нет совершенно; в селениях кое-где можно встретить тал, род тополя и алычу. Топливом служит кизяк (тезяк, чалма), складываемый для хранения в оригинальные, обмазанные снаружи кучи. Выше селения Ворсаут пшеница, даже в смеси с рожью (роровон), редко вызревает; нет также и крупных бобов (бокала); сеют ячмень (яу) и подобие гороха (мульк, мушонг). Урожаи низкие. Своего хлеба хватает не более чем на 8—10 месяцев, а если рано ударит мороз, то и того менее. Большинство трудоспособного мужского населения ежегодно уходило на заработки в города и селения равнины.

Дороги по Ягнобу дурные, и только вспыхнувшая в 1898 году в Анзобе эпидемия чумы (дард-и-Анзоб), когда на глухой край было обращено внимание высшей администрацией, способствовала их улучшению. Некоторые опасные карнизы носят особые названия: (Канди-хурак, т. е. «покушаешь сахарку», и Коф, форма которого, по мнению ягнобцев, похожа на букву «з»). По Кофу горцы ходят зимою, предварительно сметая накопившийся снег.

¹⁾ В Матче имеются селения Хутгиф-сойру и Хутгиф-офтобру. В таджикском селении Заркент, Ташкентского уезда, мне пришлось встретить соответствующие тюркские названия горных склонов Кунгай и Терская.

Возвращаясь с заработков, горец несет за плечами тюк с пшеницей и предметами незатейливой роскоши (чай, соль, мануфактура). Осенью, после уборки хлеба, в долине Ягноба появляются «аторы», торговцы мелочным товаром, а в течение лета приходят «табак-тароши», цыгане, мастерящие деревянную посуду, сита, блюда, лукошки и кадушки для любимого напитка ягнобцев, «чолау», (айран)¹⁾.

Эти цыгане странствуют только в пределах Кухистана и дальше Пенджакента в сторону равнины не уходят; они «всем в Кухистане родня» (карындош), говорили мне о них на Ягнобе.

Каждое лето по Ягнобу проходят партии бухарских подданных из Куляба и Бальджуана, идущих на заработки в сторону Ташкента. В обратном направлении, с севера на юг, двигаются со своими стадами турки-скотоводы из предгорий Туркестанского хребта, преимущественно узбеки; киргизы стали появляться в небольшом числе лишь недавно: пригонял свой скот и какой-то русский из Голодной Степи («Зенка Ереноу»), Скотопрогонная дорога, идущая через перевал Камахдон, затем по мосту через Зарявшан у селения Постигау и далее по долине речки Гузун к перевалам Матчинского (Зарявшанского) хребта, где в трещинах ледников нередко гибнут овцы, представляет собою как бы улицу между шумящею рекою с одной стороны и каменными заборами, ограждающими посеы таджиков от потравы прогоняемым скотом, с другой. Ссоры из-за потрав и столкновения из-за пастбищ между ягнобцами и пришлыми турками дело обычное; нередко земельные ссоры и между отдельными ягнобскими обществами. Многолюдные ягнобские селения обижали более слабых соседей. «Минг-баши пара мехурат, на мепурсат аз руиками-и-мо» (волостной берет взятки и не расследует дела вследствие малости наше й), — так говорили мне жители одного маленького селения, жалуясь на своих сильных соседей, потравивших у них посеы скотом. Вообще вследствие отдаленности русской власти правовой строй в долине Ягноба оставлял желать многого. Кроме волостного и сельских старшин (своих людей), единственными наличными представителями власти в этом крае были некультурные лесооб'ездчики, немилосерпно притеснявшие население поборами и угрозами составления протоколов. «Муросо» (поборы лесооб'ездчиков) в глазах населения была чуть ли не официальным установлением и тяжело отзывалась на благосостоянии горцев; недаром население называло лесооб'ездчиков «тагбаши» («тавоши»), т. е. горный начальник, и даже «тагбеги» (горный правитель). Между тем население Искандеровской волости на долгое время было освобождено русским правительством, вследствие бедности, от подати, и такса на продукты так называемого лесного побочного пользования (т. е. дрова, хворост и пр.) была оставлена для этого района прежняя, сравнительно низкая²⁾.

Население Ягноба терпело даже от бухарских властей, и несмотря на то, что В. И. Липский еще в 1896 году возбуждал вопрос о незаконности пребывания бухарского чиновника, собиравшего зякет со ско-

1) Глиняную посуду делают сами ягнобцы, а именно, жители группы селений Дахи-сойру, а также Искона и Петиба, продающие свои изделия жителям прочих селений, где это мастерство не практикуется.

2) Система охраны лесов в глухих местностях Туркестана (в горах и песках), теоретически необходимая, на практике подавала повод к злоупотреблениям, равнявшим достоинство русского управления, даже и за-границею (ср. отзыв одного из белучских старшин Н. А. Зарудному во время его путешествия по Сеистану и Персидскому Белуджистану осенью 1900 года).

товладельцев, на русской территории, именно в верховьях Ягноба, в 1906 году было то же самое; только бухарский «зякетчи» подвинулся еще далее в русские пределы и сидел уже у перевала Ровосанг, в Матчинском хребте. Как мне передавали, летом 1906 года им было угнано в бухарские пределы 220 овец, собранных в виде зякета с пришлых тюковско-товладельцев. Это было, кажется, результатом официального соглашения генерал-губернатора с бухарским правительством, но разумеется, в соглашении не предусматривалось право бухарских властей собирать «зякет» с тех русских подданных, которые не собирались переходить на бухарскую сторону гор и думали ограничиться летовками на верхнем Ягнобе.

Невольно бросалась в глаза связь Ягноба с Гиссарским краем, — вследствие сравнительной близости и легкости путей сообщения (напр., через мягкий перевал Шутур-и-Гардан, 11300 ф. выссты). Экономическая зависимость от гиссарских рынков была очевидна. Гиссарские происшествия становились известны на Ягнобе тотчас же. Так, мне передавали подробности о казни, совершенной за несколько дней перед тем на базаре города Каратага; жаловались на притеснения, чинимые бухарскими чиновниками ягнобцам при посещении последними гиссарских городов, и т. д. Правившего в то время Гиссаром знаменитого Астанакула кушбеги ягнобцы называли притеснителем и насильником (джабркор, зульмкор); говорили, что он не боится Бога, и что подданные его вопиют к Богу, чтобы поскорее взял его душу (фукара-и-вай подаш Худой-Илõхи джанаша бегират). Некоторые, более осторожные, дипломатично поясняли, что сам Астанкул — справедлив (одиль) и что притеснения исходят от его подчиненных.

По рассказам жителей, лет за 60–70 долина верхнего и нижнего Ягноба и в политическом отношении зависела от Гиссара: дань собиралась беком, сидевшим в Сарь-обе. Сохранилась память о гиссарском правителе Мирзе Абдукариме. На нижнем течении Ягноба существовало самостоятельное владение; правитель жил в Токфана, носившем название Тахт-и-хан. Там же жили и казии, один из которых, Гаиб-Улло, отправлял судейские обязанности в течении 60 лет, другой, Наср-Улло, в течение 40 лет. В 1906 году народным судьей был Мулло Якуб-казы, сын Мулло Файзулло-казы, человек по мусульмански образованный, говоривший не только по-таджикски, но и по-тюрски, впрочем хуже, чем по-таджикски. Он также немного знал и ягнобский язык и с похвалой отзывался о набожности ягнобцев (куб мусульмонлики (sic) амаль кыладе). Действительно, среди ягнобцев попадаются даже люди, совершившие хадж. Из местных святых наибольшим уважением пользуется мазар Ходжа Мохаммад-и-Башоро, называемый, также Мазар-и-шариф и расположенный в предгорьях Зарявшанского хребта, по близости горы Сайори. Постройке этой около 700 лет; работа удивительно тонка и художественна.

Из других мазаров Кухистана мне называли Ходжа Абу-Дардо в долине Заурана, Сипах-солор в долине Вору и Ходжа-и-Сабзпуш¹⁾.

Трудные условия существования побуждали иногда ягнобцев выселяться. В пределах Гиссарского края имеются основанные ягнобцами

¹⁾ Мазаров без имени святого, но с указанием на синий (реже зеленый) цвет халата, который носил бедняк-святая, в Туркестане много (Кук-гунлюк ата, Ходжа-и-Кабудпуш, Ходжа-и-Сабзпуш).

селения Кук-типа и Зуман; была также эмиграция и на север (селение Калача, Дальянской волости).

По Куну, среди ягнобцев существовало смутное предание о том, что их предки пришли из Кашмира. Я не слыхал ничего подобного; наоборот, ягнобцы утверждали, что их предки не переселялись сюда ни откуда (а хечь джо омадаги не), но жили здесь с сотворения мира (а-бино-и-дуньо)¹.

По словам их, весь Кухистан когда-то был населен неверными. Действительно, память о «кафирах» сохранилась в географических названиях некоторых местностей Кухистана. Так, трудная горная дорога, ведущая к селению Анзоб, мимо морены исчезнувшего ныне небольшого ледника, называется Кафар-рага или Куфар-рага (на карте очевидная опечатка Каджр-рага). В верховьях р. Зигди, уже в Бухарских пределах, мне указывали развалины, называемые Кафар-кала. Главная река Гиссарского края называется Кафар-Нихан или Кафар-Нихам (Кафир-ниган²). Близ селения Минданы, уже по выходе Зарявшана из гор, мне показывали, так называемую «Кафирскую лошадь» (асп-и-кафари)³ — четыре лежащие на земле колонны из желтоватого известняка, аршин по 8 или 9 длины; две из этих колонн переломаны; тут же находится каменный сосуд в форме ступки аршина в 2 диаметром; большая часть дна выбита.

По рассказам ягнобцев, в ущельи реки Фан-дарьи, в Сардаване, был когда-то языческий храм (бут-хана). В одной из крутых скал над селением Токфан видно отверстие пещеры, в настоящее время недоступной. По рассказам жителей, в прежние времена находящаяся под этой пещерой каменная осыпь поднималась значительно выше, и с нее можно было проникнуть в пещеру, на стенах которой, будто бы, имеются какие-то изображения. В старину там, будто бы, молились идолопоклонники (бутпараст). К какой религии относятся эти воспоминания, сказать конечно, нельзя, но принимая во внимание тесную связь с Гиссарским краем, можно полагать, что сюда проникал и буддизм. Самая область, соответствующая нынешнему Кухистану, называлась в средние века Буттем или Бутман (В. В. Бартольд, «Туркестан в эпоху монг. нашествия»). В западной части Кухистана как географические названия (Дарьо-и-Мугион, Муг-бель, Зиндуган), так и местные воспоминания об огнепоклонниках (аташпараст) указывают на зороастризм. Можно пожелать, чтобы будущие исследователи обратили внимание на сохранившийся в Фальгарской и отчасти в Искандеровской волости способ украшения потолков в приемных комнатах богатых домов (геометрически вписанные многоугольники с пестрыми арабесками³).

На среднем течении Ягноба попадаются древние могилы, состоящие из трех каменных плит, две из которых поставлены боком и слегка врыты в землю, а третья перекрывает их сверху. В этих могилах находили сгнившие человеческие кости и изредка целые черепа.

¹) Такое же гордое мнение о древности своего обитания нам с М. С. Андреевым высказывали в 1896 году жители горного селения Зарух, в Кокандском уезде.

²) Ср. В. В. Бартольд, *op. cit.* стр. 74 (Нихам).

³) Сравнение этих рисунков с photographиями императорских дворцов в Китае (см. Bland and Blackhouse, „China under Empress Dowager“, 1910) и с изображением дома Убайдуллы-хана в Мир-Апраме (Stein, „Ruins of desert Cathay“, 1912, vol. I.) наводят на мысль об общем источнике всех этих орнаментальных мотивов.

Остатки укреплений имеются в пунктах, где удобно было преградить дорогу нападавшему врагу, — в ущельях реки Фан-Дарьи (Сарвадан) и реки Ягноба пониже селения Хшартоб; была, говорят, крепостца и в Токфане, на месте ее ныне построена мечеть¹⁾.

Проезжая по Ягнобу, я записывал слова и фразы на ягнобском языке.²⁾

Не будучи филологом-иранистом по специальности, я не считал эти записи имеющими существенное значение и привожу их только потому, что материалов по этому языку опубликовано еще немного. При этом считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность А. А. Семенову за обязательное указание имеющейся литературы по ягнобскому и согдийскому языкам. К сожалению, в Ташкенте я не мог найти ни Готье („Essai de grammaire Sogdienne“), ни Юнкера („Drei Erzählungen auf Jagnoby“) ни даже „Manichaica“ Залемана, и потому не могу судить, имеется ли в моих записях что-либо доселе неизвестное; некоторые из записанных мною слов я не нашел в имевшейся в моем распоряжении литературе; другие слова имеют иное произношение. Не исключена и возможность ошибок в моих записях.

Ягнобский язык принадлежит к числу вымирающих. Как справедливо заметил уже Акимбетев (по крайней мере относительно книг и песен), книг, сказок, и песен на этом языке не имеется. Все ягнобцы — мужчины говорят также и по-таджики, а некоторые еще и по-тюрки, и только часть женщин и детей, как я слышал, не понимают другого языка, кроме ягнобского. Таким образом ягнобцы уже вступили в период двуязычия, который в силу естественной экономии сил неизбежно окончится полным вытеснением из народного обихода языка менее нужного и более сложного, т. е. родного, что происходит, например, на наших глазах в Ташкентском уезде с таджикским языком, быстро исчезающим среди моря тюркского языка (своих песен у ташкентских таджиков также не имеется).

Таджикский язык, или, точнее, восточное наречие персидского языка за четверть века (1881—1906), протекшую между наблюдениями Акимбетева и моими, уже успел вытеснить ягнобский язык из селений Кирионте и Дехикалон в восточной части того островка, которым является современный ареал ягнобского языка. При посещении же Куна (1870 г.) ягнобский язык знали еще некоторые жители Хшартоба (к западу от того же островка).

Как опять-таки справедливо заметил Акимбетев, ягнобская речь пронизана таджикскими корнями, словами, формами и даже целыми выражениями, и вероятно, не далеко то время, когда этот язык исчезнет без следа.

Тип населения одинаков как во всей средней, так отчасти даже и в нижней части долины Ягноба. Это можно видеть, например, на двух фототипиях приложенных, к труду Липского („Восточная Бухара“) и изображающих жителей Пскона (ягнобцев) и жителей Новобада (таджиков). Ягнобцы не похожи ни на каратегинских выходцев, живущих по соседству с ними, в долине Зигди³⁾, с их широкими, благо-

1) Вне пределов Ягноба я видел старинную крепостцу в Гузуне и башни в Варзиминоре и Рарзе.

2) Отчасти по методу, указанному К. Г. Залеманом, „Шугнанский словарь“ Д. Л. Иванова“.

3) В мое время несколько семей зигдинцев жили даже на русской территории, у перевала Анзоб.

образными физиономиями, длинными волнистыми бородами и задумчивым взглядом, ни на горных таджиков обычного типа с их упрямыми, почти квадратными лбами, мясистыми, длинными носами и густыми черными бровями. Насколько я мог заметить, ягнобцы имеют удлинённый овал лица, небольшой, но изящно закруглённый лоб, длинный, но тонкий, не расплывающийся нос с легким загибом, как бы нависающий над верхней губой, веселые, живые (часто серые) глаза и не очень густые бороды. Некоторые лица вполне европейского типа. Впрочем, встречаются и типичные таджикские физиономии (вероятно, результат метисации). Я видел несколько благообразных старух, не выразивших никакого желания закрыться, а в Хшартобе (уже утратившем ягнобскую речь) при крутом повороте узкой улочки, у входа в саклю, мне удалось видеть за работой двух женщин, старую и молодую; при моем появлении обе они остались сидеть; только молодая слегка наклонила голову, так что концы ее головного платка закрыли ее миловидное личико. Ягнобские дети очень миловидны.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ.

1 и.	6 ухшь.
2 ду.	7 афт, аут.
3 тьрай, траи.	8 ашт.
4 тфор.	9 нау, наут.
5 пандж ¹).	10 дас.

МЕСТОИМЕНИЯ.

я—ман.	мы—мох.
ты—ту, тау.	вы—шмох.
он—ахь, ахт.	они—ахтит.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ.

солнце—хурь.	дочь—гайкъ.
месяц—мату.	человек—мортит (pluralis?).
звезда—ситора.	старик—пираки.
день—мет.	ребенок—пуля, пулля.
ночь—хшаб.	женщина—инчь.
отец—додо.	гора—гар.
мать—оча.	лед—их.
брат—вирут.	лед глетчерный—хельк, хыльк.
сестра—хор.	трещина в леднике—тарак.
сын, юноша—джюта, юта.	лавина—тарма ²).

¹) По словам токфанского казиза (таджика), названия этих числительных произносятся по-ягнобски несколько иначе: дуаи, тираи, туфор, пандж. По Куну, пять по-ягнобски пуч (может быть, пундж). Мне уже не пришлось слышать форм „пандж“ и „пуч“ или „пундж“; ягнобцы, с которыми я разговаривал, пользовались таджикским „пандж“.

²) Снеговые лавины падают всю зиму, особенно же в начале весны. Горцы выбирают для постройки своих домов места, безопасные от лавин; тем не менее в Хшартобе мне показывали на берегу речки развалины нескольких домов, разрушенных лавиной, которая неожиданно скатилась с противоположного склона горы.

дорога—рот.	нога—пода.
речка—раут.	рука—даст.
арык—хан (хам?), хон.	щепки—чинк.
дом—кат.	дерево—дорк.
крыша—куз.	травя—уаш, уайш.
селение—мин, меин, майн.	тополь—сафид-дор.
замок—ванд.	пшеница—ганту.
дверь—дъвар.	ячмень—яу.
нос—найс.	посев—зои.
рот—рахъ,	волк—уркъ ¹⁾ .
зубы—диндакъ.	горный козел—нахшир.
язык—зевоб.	собака—кут.
глаза—гурла.	овца—стур.
бровь—врюк.	змея—кирмакъ.
живот—дара.	мясо—иота ²⁾ .

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

светлый—рушан.	белый—спита.
темный—торагу.	черный—шоу.
красный—кимир.	красивый—обадон.

Ф Р А З Ы.

Ман-пе хамра тир—поедем со мною
 Ман тиромишт ту-тем тир—я ухожу, и ты уходи.
 Чидока воу—уходи отсюда.
 Тату воу—иди (сюда).
 Нахидока воу—иди сюда.
 Дута инчаъ нахидока воуошт—сюда пришли две женщины.
 Ман авиним атыр—я видел, что он ушел.
 Ахт фирунта (фиронта) винтш—он завтра увидит.
 Ман авоуим (авоим) ту-тем воу—я пришел, и ты приходи.
 Ман авоуим (авоим) ах-тем авоу—я пришел, и он пришел.

1) У Готье „Le Jaseoulami, dialecte iranien du Pamir“ (Journ. Asiat. 1916, № 2) уиш переведено словом „медведь“. На Ягнобе о медведях я не слышал.

2) Русское „говяда“ (говядина), быть может, объясняется путем сопоставления с ягнобским „гоу-иота“ (скотское мясо). С другой стороны скифское влияние, может быть, сказывается и в киргизском (казацком) „неты“ мясо.

Об этимологии слова „говяда“ см. еще у Ф. Е. Корша „О некоторых бытовых словах, заимствованных древними славянами из так называемых урало-алтайских языков“. (в „Сборнике в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина“, Зап. И. Р. Г. О. по отд. этн. т. XXXIV. Спб. 1909, стр. 538).

Иш мортит чой аоурор—этот человек принес чай.

Иш гар баянд гар вута—эта гора высока.

Нахим нур мох нахау гаривик авоуим—сегодня мы приехали вон с той горы.

Фиронта мох чит-мин (начит-мин) тиромишт—завтра мы уедем из этого селения.

Ин нур чо аркт-аст—что ты сегодня делаешь?

Чо воувишт—что ты говоришь?

Ин нур сард—сегодня холодно.

Ин нур хурь гарм—сегодня жарко.

Ид виора мах катта вута—нынче ночью месяц велик.

Зимистониса барф гальбаля¹⁾ вучи—зимою бывает (будет) много снега.

Идокоти уркь чихад (гальбаля) заляр расончи—волки здесь много делают вреда.

Подшо чи-вазиш чихад хурсанд вута—царь был очень доволен своим визирем.

Дарьо обш гальбаля—в реке много воды.

Мох кат дивар хызматгори мох гальбаля хаст—у меня в доме много слуг.

Ин-нур ахь иоч бетоб вута—он сегодня прихворнул.

Ман и-пулля авиним—я видел мальчика.

Тау и-урки авини—ты видел волка?

Ахь мортит мох-и-асп виташаст—тот человек видел мою лошадь.

Саудагарь-и-асп обадонх (хушруст)—у купца красивая лошадь.

Ман нахид одами пуль тифаромишт—я даю этому человеку деньги.

Тау нахид пулляи канд тифаришт—ты даешь этому ребенку сахар.

Хызматгор аспи-хотерь уайшь видод—слуга дал лошади травы.

Ман додо нахишт ютаи канд тифарошт—мой отец дает этому мальчику сахар.

Ту виора нахишт джютаи канд атифари—ты вчера дал этому мальчику сахар.

Тауи иотат ганда хаст—у тебя плохое мясо (тебе достался плохой кусок мяса).

Виора ман нахид одами ду сум атифарим—вчера я дал этому человеку два рубля.

Ахь мортит виора мохи кагаз атифар—вчера тот человек дал мне бумагу.

1) Скифский корень „рб“ (Rosenberg, „Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts'ien-to-tong de Touen-houang“ 1918. ср. украинское „громада“. Форма чихад сложилась из скифского „чи“ (из, без) и таджикского хад—граница, предел.

- Мох виора нах-чи-гар агардим авис—вчера мы перевалили через эту гору.
- Мох виора тураи арза атифарим—мы вчера подали господину жалобу.
- Нахид мини фукаро пар-хоким арза атифарор—жители этого селения подали начальнику жалобу.
- Пион дарим алахш—вчера у меня болел живот.
- Ин нур подам дахчи—сегодня у меня болит нога.
- Мох додо амир—мой отец умер.
- Мох-оча нахишт мах амир—моя мать умерла в этом месяце.
- Пар мох хаст—у меня есть (у нас есть).
- Ахминт одамш хаммаш амирор—все жители этого селения умерли.
- Мох вирот сахат хаст—мой брат жив.
- Додоим сарш дахчи—у моего отца болит голова.
- Урки диндакш тез хаст—у волка острые зубы.
- Сугур чи-санг-и так (таг?) аджах—сурок выскочил из под камня.
- Авиамакш чи-шахри Тошканд авоу—его дядя приехал из Ташкента.
- Шмох аспи нухта мех-ки сарих—недоуздок вашей лошади висит на гвозде.
- Ин-нур шмох вирот пуль гахш авиним—сегодня я видел вашего младшего брата.
- Фиронта шмох падар (додо) виним—завтра я увижу вашего отца.
- Фиронта ман додом виништ—завтра ты увидишь моего отца.
- Фиронта ахь ман додом винот (винтш)—завтра он увидит моего отца.
- Мох ман виротим хорим ман додом виномишт—мы, т. е. я, мой брат и моя сестра увидим моего отца.
- Шмох ман додом винсишт—вы увидите моего отца.
- Ахтит виношт гоф нафар одам—они увидят несколько человек.
- Ман гиривумишт—я знаю; ту гиривишт—ты знаешь; ахтим (иш-тим) гиривод—и он тоже знает.
- Хириномишт ту-тем хириншт—я беру, и ты тоже берешь.
- Ахтем хириншт—и он тоже берет.

Как известно, ягнобский язык относится к так называемой „скифской“ группе иранских языков, к которой принадлежат два живые языка, ягнобский и осетинский, и один мертвый—согдийский (Gauthiot, op. cit.). Самый факт наименования арабами того языка, на котором говорили в южных оазисах Восточного Туркестана, согдийским показывает, что этот самый язык (или его наречие) употреблялся и в Согдиане. Сходство ягнобского языка с согдийским—поразительное, особенно если принять во внимание не только разницу во времени между памятниками согдий-

ского языка и записями ягнобского, но и разницу в культуре между жалкими горцами Ягноба, исповедующими ислам, и буддистами Хотана, Нии и Мирана, принимавшими участие в торговом и идейном общении востока, юга и запада Азии.¹⁾

В трудах В. В. Бартольда „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“ и „К истории орошения Туркестана“ приведено много старинных географических названий, заимствованных у арабских географов, и немало названий совсем не приведено за невозможностью установить более или менее надежное чтение их. Если многие из этих названий объясняются из старо-персидского языка, то другие, наоборот, не только не понятны, но и звучат не по персидски.²⁾ Название „Гарчистан“, когда-то прилагавшееся ко всей горной стране, именуемой ныне Кухистаном, форма „Бунджикет“, соответствующая нынешнему Пянджикенту и употреблявшаяся не только в Кухистане, но и в Осрушне, непонятное нынешним жителям Фальгарской волости название Фальгар или Паргар, записанное арабами в форме „Бургар“ и „Паргар“ („Туркестан“ В. В. Бартольда стр. 70, 71, 84, 169) и вполне объясняемое из согдийского или ягнобского языка („местность у гор“, подгорье, пар-гар, Piedmont), распространенность древнего слова „варз“ (деревня ср. славянское „весь“), входящего в географические названия Варзоб, Варз-и-канда, Варзминор, Варзик и др., — а также анализ других географических названий, извлеченных не только из арабских географов, но и из авторов классической древности, быть может, помогли бы специалистам иранской филологии выяснить как область распространения скифских наречий в Средней Азии, так равно пути, способы и эпхи проникновения сюда западно-иранской колонизации и культуры. Не менее глубокий интерес представляет вопрос об участии скифских наречий в формировании русского языка, особенно южной его ветви. Быть может, это участие было гораздо более значительным, чем принято думать, и иранские элементы не были вполне подавлены на юге России элементами тюркскими, германскими и славянскими.³⁾ Наконец самые видные носители восточно-иранской культуры, аланы, в эпоху великого переселения народов дошли до Франции и Испании, и культура их оказала несомненное влияние на искусство средневековой Европы.

¹⁾ Stein „Sand buried ruins of Khotan“ и „Ruins of desert Cathay“.

²⁾ Ср. загадочные фразы, приведенные у Наршахи („История Бухары“, пер. Н. С. Лыкошина) بکینه نکیت و نکوزہ کونی.

³⁾ М. И. Ростовцев. „Эллинизм и иранство на юге России“. Одно место у Аммиана Марцеллина (l. XXXI, 13 „Halani... ex montium appellatione cognominati“) наводит на мысль, что в наименование этого великого народа, растянувшегося в IV ст. ст. Дона почти до Ганга, быть может, входило тоже скифское слово „гар“ (гора), которое доселе сохранилось в ягнобском языке. Относительно ламбдизации скифских слов с звуком „р“ можно привести в примеры Фальгар, гальча и скифскую форму „Silis“ для обозначения реки Сыра (Яксарта) у Плиния Старшего Hist. nat. VI 49.